

Фу Исянь мягко улыбнулся, собираясь перевести разговор на другую тему, но издалека донёлся тихий шорох шагов. Спешил запыхавшийся, покрытый испариной евнух Ван Юаньчэнь. Позади него четверо слуг несли закрытые носилки, обтянутые плотным тёмно-пурпурным бархатом.

Завидев Фу Исяня, Ван Юаньчэнь широко расплылся в улыбке, но, заметив позади него хмурого Чун Дая, тут же торопливо согнулся в глубоком поклоне:

— Господа, так вы здесь беседуете? Ну и заставили же вы меня побегать!

Собеседники переглянулись, не понимая причин такой спешки.

Тем временем евнух выпрямился и приподнял занавеску носилок, которые оказались пустыми.

— Бакалавр Фу, не заставляйте Владыку ждать. Он сегодня не в духе, изволил гневаться. Сами видите, я за вами целые носилки пригнал. Идёмте скорее в палаты.

«Похоже, о том, что случилось у Западных ворот, Его Величеству уже донесли» — встревоженно подумал Чун Дай.

Он быстро спросил:

— Не знаешь, зачем государь призывает Юаньшаня?

Ван Юаньчэнь бросил на Чун Дая быстрый взгляд, но промолчал. Вместо ответа он заботливо подставил руку, помогая Фу Исяню забраться в носилки, и с улыбкой запричитал:

— Господин бакалавр, не медлите. Вам-то от Владыки ничего не будет, а вот нам, слугам, шкуры спустят. Сжальтесь над нами, подневольными!

Понимая безвыходность положения, Фу Исянь вздохнул и сел в носилки. Он ещё успел услышать, как Чун Дай взволнованно окликнул его: «Сяошань!», но занавеска уже опустилась, носилки оторвались от земли и стремительно понеслись к дворцу.

Тяньцзин, Боковой зал Резонирующей Гармонии

Император Юйчэн лежал на драконьем ложе, прикрыв глаза. Позади изголовья высилась великолепная ширма из красного дерева с искусной резьбой «Увядающая слива в тающем снегу». Скоро потеплеет, и эту зимнюю декорацию сменят на весеннюю, соответствующую сезону.

Владыка обычно правил государством именно здесь. Нередко он оставался в этих палатах и на ночь, отчего боковой зал Резонирующей Гармонии выглядел куда более обжитым и величественным, нежели парадный дворец Чжэньян.

Однако стоило Фу Исяню переступить порог, как перед его взором предстал полный разгром. Тяжёлый письменный стол был опрокинут, государственные доклады и прошения усеяли пол. Драгоценная яшмовая чернильница раскололась, оставив глубокую трещину на каменной плите, а тёмная тушь безнадёжно въелась в роскошный ковёр ручной работы, привезённый с далёких Небесных гор. Вокруг в мёртвом безмолвии, опустив головы, на коленях стояли гвардейцы и евнухи.

Фу Исянь застыл в недоумении. Он уже собирался опуститься на колени, но Ван Юаньчэнь незаметно замахал руками, отчаянно качая головой и указывая взглядом в глубь покоев. Там, за плотным пологом, укрывался Чун И. Время близилось к полудню, но тяжёлые шторы в зале были задернуты, а в полумраке просторной опочивальни едва угадывался силуэт императора.

Пока Фу Исянь колебался, не зная, стоит ли нарушать тишину приветствием, из полумрака донёсся ледяной голос:

— Юаньчэнь, кто это там пожаловал с такой помпой?

— Владыка, это бакалавр Фу, — торопливо отозвался евнух.

Фу Исянь опустился на колени и совершил земной поклон:

— Ничтожный слуга Фу Исянь приветствует Ваше Величество.

Чун И лишь холодно хмыкнул:

— Надо же. Я-то думал, кто это, а это сам великий бакалавр Фу.

Услышав эту желчь, Исянь не стал возражать. Он остался лежать ниц, сохраняя почтительное молчание.

В зале повисла гнетущая тишина. Молчание собеседника лишь сильнее раззадорило гнев Чун И. Он резко сел на ложе, схватил с приставного столика изящную селадоновую вазу с узким горлышком и швырнул её прямо в Исяня. Фарфор с оглушительным звоном разлетелся на тысячи осколков у самых коленей бакалавра. Даже Ван Юаньчэнь, прислушивавшийся к каждому вздоху императора долгие годы, вздрогнул от неожиданности. Но не успел старый слуга сделать и шага, как Чун И вскочил на ноги и яростно взревел:

— Вон! Все вон отсюда! Чтобы духу вашего здесь не было!

Ван Юаньчэнь взмахнул рукавом, и прислуга бесшумной чередой покинула зал, плотно затворив за собой тяжёлые двери. В огромном покое остались лишь они двое.

— Ваше Величество изволили поссориться с принцем Чжуаном из-за отправки войск к заставе Медной Горы? — негромко спросил Фу Исянь, поднимаясь с колен.

Чун И покосился на него. В его глазах читалось явное желание выговориться, но он упрямо продолжал хмуриться.

Исянь, прекрасно понимая состояние государя, мягко продолжил:

— Догадаться несложно. Траур по покойному императору только завершился, а на западных рубежах тучи сгущаются всё сильнее. Пятьдесят тысяч всадников, стоящих лагерем под столицей, давно должны были выступить к заставе Медной Горы. Почему же медлят? Лишь потому, что прежний авангардист, назначенный ещё вашим августейшим отцом, пал на поле боя. Ныне войску позарез нужен новый предводитель. Во-первых, мой отец, старый генерал Фу Юаньтай, в последнее время занемог, и вести эти полки на прорыв должен опытный военачальник. Во-вторых, вести огромную армию за тысячи ли по сложнейшему рельефу Медных гор без авангарда — чистое самоубийство.

Гнев Чун И уступил место глубокой задумчивости. Он махнул рукой, безмолвно разрешая Исяню говорить свободнее.

— Говори дальше. Мне интересно, к чему ты клонишь.

— Касательно назначения на эту должность... Полагаю, мнения Вашего Величества и почтенного дяди, принца Чжуана, разошлись коренным образом.

С этими словами Исянь поднял глаза и тепло улыбнулся Чун И, замолчав на полуслове.

Император мгновенно уловил этот взгляд. Он расслабился.

— Ладно тебе, Сяошань. Здесь никого нет, кроме нас. Говори прямо, я не стану гневаться.

— Премного благодарен Вашему Величеству. По мнению принца Чжуана, лучшим кандидатом на этот пост является его сын, гвардеец Чун Дай. Хоть тот и носит высокий третий ранг, за его плечами нет реальных воинских заслуг, а старый принц жаждет укрепить положение своего наследника. К тому же он давно косо смотрит на моего отца. Когда великий генерал Фу Юаньтай вернулся в столицу лишь с малой частью войска, он сделал это умышленно, дабы не сеять пустых подозрений среди сановников. Однако там, у заставы Медной Горы, под его началом стоят триста тысяч мечей. Если Чун Дай окажется подле него в роли авангардиста, то старый принц убьёт двух зайцев сразу: наладит прямую связь со столицей и получит рычаг влияния на моего отца.

Чун И медленно кивнул:

— Действительно. Императорский дядя говорил точь-в-точь то же самое.

— Позволю себе дерзость истолковать волю государя, но Чун Дай — далеко не лучший выбор для трона. Со времён покойного императора принц Чжуан успел обрасти огромным влиянием, его ставленники и ученики занимают ключевые посты в столице. Глава Верховного суда Фань Юй, командир Доблестной кавалерии Хун Жуцзинь — их связи оплели весь двор. К счастью для нас, большинство из них — гражданские чиновники. Военных среди них немного, и, кроме Хун Жуцзиня, они либо слишком далеко, либо не представляют угрозы. Именно поэтому старый принц так боится моего отца, обладающего реальной военной силой. Если сейчас начнётся новый поход, то под началом великого генерала окажется не только гарнизон Медной Горы, но и все резервы вплоть до заставы Небесного Замка. А это, по самым скромным подсчётам, миллион воинов. Столь колоссальная сила в руках потенциального соперника — прямая угроза трону. Стоит ли отдавать пост авангардиста сыну принца Чжуана? Ответ очевиден.

Чун И негромко похлопал в ладоши, искренне восхищённый ходом его мыслей.

— И кого же мой верный бакалавр видит на этом месте?

— Как говорят в народе: против тигра выходят с братом, а в бой идут с отцом. Разумеется, самым надёжным решением было бы отправить меня вместе с родителем. Но я только что получил назначение на пост бакалавра-чтеца, и принц Чжуан костыми ляжет, чтобы не допустить усиления рода Фу. Именно поэтому он сегодня так рьяно нападал на вас, забыв о приличиях.

— Старый лис! — процедил Чун И. — Он просто пользуется тем, что я молод и только принял бразды правления. Постоянно чинит препятствия! Когда ты той ночью согласился служить мне, я думал лишь о том, как удержать тебя подле себя. Но в деле Медной Горы я могу доверять только тебе. Получается замкнутый круг. Куда ни кинь — всюду тернии.

Фу Исянь сделал шаг вперёд и тихо произнёс:

— Ваше Величество помнит о сыновьях и отцах, но почему-то забывает о собственных братьях.

Чун И резко вскинул голову. Он быстро подошёл к Исяню, лицо его озарилось детской радостью, и он едва не заплясал на месте:

— Точно! Как же я забыл? У меня ведь ещё пятнадцать братьев! Конечно, больше всего я доверяю тебе и твоему отцу, но если выбирать между Чун Даем и моей собственной плотью и кровью, то выбор очевиден! Гнев совсем затуманил мне разум.

Исянь не удержался и мягко улыбнулся. Чун И, заметив эту улыбку, мгновенно прижал его к

себе:

— Я всегда знал, что мой Сяошань — самый мудрый. Только ты можешь развеять мои печали. Спроси я тебя раньше, не пришлось бы терпеть эту унижительную сцену с дядей. Кстати, почему ты утром был с Чун Даем? Из-за вас я полдня места себе не находил от злости!

Фу Исянь слабо попытался высвободиться, но Чун И держал его крепко. Боясь ненароком причинить вред государю, Исянь лишь густо покраснел и застыл в его объятиях, отвечая слегка натянутым голосом:

— Господин гвардеец узнал о моём новом назначении и пришёл поздравить. Мы ведь старые друзья. Последние годы я странствовал по стране и вернулся в столицу лишь месяц назад. Нам так и не довелось толком поговорить, вот сегодня утром и выдалась свободная минутка.

Император давно следил за каждым шагом Исяня и прекрасно знал о его дружбе с Чун Даем. Но сейчас, когда он считал бакалавра своим единственным доверенным лицом, эти слова укололи его ревностью.

— Вот как? И каков же, по-твоему, этот Чун Дай?

— Благородный муж, чистый душой, — ответил Исянь.

От этих слов Чун И вспыхнул ещё сильнее и капризно, по-детски воскликнул:

— Много ли на свете этих благородных мужей, чтобы раздавать им такие похвалы! Ладно, а обо мне что скажешь? Кто я, по-твоему, такой? — в его голосе зазвучали упрямые, собственнические нотки.

— Ничтожный слуга не смеет судить о Вашем Величестве. Величие императора священо, — уклонился Исянь.

— Отговорки! Всё отговорки! Я требую ответа прямо сейчас!

Не в силах вырваться из цепких объятий, Исянь наконец оставил официоз и в шутливом отчаянии воскликнул:

— Где это видано, чтобы подданный судил своего государя? Это же измена, за такое и головы лишиться недолго! Почему мой императорский брат так несправедлив ко мне?

— В чём же моя несправедливость? Почему для Чун Дая у тебя нашлись такие тёплые слова, а для меня — ни единого словечка?

Видя, что от грозного правителя не осталось и следа, Исянь тоже поддался этой ребяческой игре и упрямо заладил:

— Не знаю! Ничего я не знаю!

Чун И лукаво прищурился и вкрадчиво прошептал:

— Похоже, мы слишком долго не виделись, и мой маленький Сяошань совсем позабыл своего государя. Что ж, придётся освежить твою память...

Шёпот перерос в тихий, прерывистый смех, а затем голоса зазвучали совсем близко. Ван Юаньчэнь давно отогнал всех слуг подальше и теперь в одиночестве подпирал плечом колонну на галерее. Слыша доносящиеся из-за дверей весёлые голоса, старый евнух невольно улыбнулся: в конце концов, император ещё совсем юн, и ему тоже хочется радоваться жизни. Вдруг изнутри донёсся звон бьющейся посуды. Решив, что играющие задела что-то хрупкое, Ван Юаньчэнь заволновался и негромко позвал через щель в дверях:

— Владыка, поберегитесь, не пораньтесь осколками! Позвольте слугам войти и прибраться?

В палатах мгновенно воцарилась тишина.

До евнуха долетел лишь встревоженный, сдавленный шёпот Чун И:

— Погоди, я сейчас вышвырну его вон!

И снова мёртвое безмолвие.

Юаньчэнь вжал голову в плечи, совершенно запутавшись в происходящем.

Спустя мгновение створка двери приоткрылась, и на пороге показался Фу Исянь. Ван Юаньчэнь торопливо шагнул ему навстречу, но, взглянув на бакалавра, застыл на месте.

— Господин бакалавр, что с вами? Неужто нездоровится? Почему лицо так горит и лоб весь в испарине? Погода сейчас обманчивая, неровен час простудитесь.

Исянь что-то невнятно пробормотал под нос и, не останавливаясь, быстрым шагом направился прочь из дворца. Он явно спешил уйти.

Ван Юаньчэнь хотел было окликнуть его, но из глубины зала донёсся громовой рык императора:

— Ван Юаньчэнь! Живо ко мне!

Евнух кубарем влетел в покои. Чун И сидел на краю ложа, на его губах играла довольная, счастливая улыбка. Завидев слугу, он притворно нахмурился:

— Ну погоди у меня, сошлю я тебя когда-нибудь на Западные горы на вечное поселение!

Поняв, что гроза миновала и государь пребывает в прекрасном расположении духа, Юаньчэнь решился проговорить:

— Наш ничтожный слуга лишь забеспокоился... Когда господин Фу уходил, лицо его пылало, словно в лихорадке. Не случилось ли чего с его здоровьем?

Чун И не выдержал и звонко рассмеялся:

— Ишь ты, какой внимательный! Действительно заметил?

— Владыка, я проводил его до ступеней и разглядел во всех подробностях. Но бакалавр так спешил, что расспросить его не представилось возможности.

Император закивал, его взгляд потеплел:

— Он только с виду такой холодный и ко всему равнодушный. На самом деле он невероятно застенчив.

Слуги принялись убирать осколки фарфора и поднесли свежий чай. Чун И, изрядно утомившийся от пережитых волнений, сделал несколько глотков и откинулся на мягкие подушки, прикрыв глаза.

Конечно, отправка Фу Исяня на передовую не была идеальным решением. Но сегодня утром принц Чжуан на аудиенции держался столь дерзко и напористо, что у императора просто не осталось выбора. Старик Чжуан вещал непреклонно:

— Мой сын Цзыхоу верно служит в столице, но доселе не ведал вкуса настоящей битвы. Я неустанно наставлял его в изучении военных трактатов, дабы в нужный час он мог разделить бремя с Вашим Величеством. Ныне у заставы Медной Горы северные варвары бэйди бесчинствуют пуще прежнего, а старый генерал Фу занемог. В столице немало достойных мужей, но одни не подходят на роль авангардистов, другие же слишком стары для ратных трудов. Посему скромный раб полагает, что назначение Цзыхоу на сей пост будет наиболее благоразумным шагом.

Чун И прекрасно понимал, к чему клонит старый лис, и его надменность разожгла в груди

юного государя пламя гнева, которое он едва сумел подавить.

— Императорский дядя столь радеет о государстве, что достоин служить примером для всех наших подданных, — ответил тогда Чун И, стараясь говорить ровно. — Твой сын Чун Дай действительно одарён и в грамоте, и в ратном деле. Я помню, как храбро и расчётливо он действовал при разгроме разбойников в уезде Юнтун два года назад. Именно поэтому я и приблизил его к себе, желая, чтобы он набрался опыта перед великими свершениями. Однако, дядя, на должность авангардиста в этом походе у меня уже есть достойный преемник.

Чун Яньцзи опешил. Он лихорадочно перебирал в уме имена столичных военачальников, сиюсья разгадать замысел племянника. Каково же было его изумление, когда Чун И назвал имя Фу Исяня — книжника, который только сегодня утром удостоился звания бакалавра! На самом деле император просто поддался порыву: он любой ценой желал уберечь армию от влияния Чун Дая, а под рукой не оказалось никого, кроме верного Исяня.

Старый принц сделал шаг вперёд, грозно нахмурившись:

— Ваше Величество, война — не место для ребячества! С каких это пор сугубо гражданский чиновник командует авангардом?

— Сегодня императорский дядя и сам мог убедиться, что таланты и стратегический ум бакалавра Фу не имеют равных. Он превосходно разбирается в тонкостях военной науки. Поначалу я намеревался оставить его при дворе в качестве бакалавра-чтеца, упустив из виду нужды заставы Медной Горы. Но теперь я вижу, что лучшего кандидата не сыскать. Завтра же я издам указ о присвоении ему титула генерала, Покоряющего Варваров, а когда он вернётся с победой, он займёт своё место в Академии.

Принц Чжуан мысленно усмехнулся такой нелепице. Резко повысив голос, он склонился в притворном поклоне:

— Государь! Битва на рубежах — это не детская забава, где военачальников назначают по велению каприза. Ваше Величество изволили забыть о нуждах Медной Горы, но ваш покорный слуга днём и ночью размышлял об этом благе. И моё сегодняшнее прошение — плод долгих раздумий, а не сиюминутная прихоть!

Видя неприкрытый вызов в словах дяди, Чун И вспыхнул от гнева и обиды:

— Я тоже принял это решение не с кондачка! Фу Исянь способен вершить великие дела. Что же касается моего царственного кузена Чун Дая, то он — опора государства здесь, в столице. Гвардия оберегает покой Запретного города, и я возлагаю на него огромные надежды. Как я могу лишиться столь ценного помощника в такое беспокойное время?

Чун Яньцзи нагло шагнул ещё ближе, нависая над императором:

— Опомнитесь, племянник! В столице за порядком следит комендант Девяти ворот Ван Цзэн и командир Доблестной кавалерии Хун Жуцзинь. Покой дворца охраняет начальник гвардии Жуй Жун. Нашёлся тоже незаменимый защитник — простой гвардеец Чун Дай! Неужто на его плечах держится трон? Если Ваше Величество так рвётся отправить книжника Фу Исяня воевать бок о бок со своим родителем, то вы, верно, желаете, чтобы вся армия империи оказалась в руках одного лишь клана Фу?

Император потемнел лицом, но промолчал. Старый принц расправил плечи и нанёс сокрушительный удар:

— Превратить вчерашнего книжника в боевого генерала — это неслыханное безумие! Но куда страшнее то, что отец и сын станут единолично распоряжаться миллионным войском на рубежах. Подобная глупость пахнет мятежом и великой бедой для династии. Покойный император перед смертью заклинал меня наставлять Ваше Величество в делах правления, и я не предаю его доверие. Я никогда не одобрю столь пагубный и нелепый указ. Призываю Ваше Величество одуматься и не совершать непоправимого. Позвольте откланяться.

Когда принц Чжуан покинул палаты, Чун И долго ещё сидел неподвижно, его лицо было чернее тучи. Наконец он приказал немедленно доставить во дворец Фу Исяня. Но стоило дверям за бакалавром закрыться, как сдерживаемый гнев императора вырвался наружу с сокрушительной силой: он принялся крушить и ломать всё, что попадалось под руку, пока Зал Резонирующей Гармонии не превратился в грудку обломков.

— Юаньчэнь! — хрипло выдохнул Чун И, тяжело дыша среди обломков мебели. — Отправь верного человека в поместье принца Чэна. Пусть немедленно призовёт ко мне шестого старшего брата.

В поколении Чун И насчитывалось шестнадцать принцев. Нынешний император и шестой принц, Чун Ю, были родными братьями — их родила благородная наложница Дуань. С малых лет Чун И был объявлен наследником престола и единолично правил в Восточном дворце. Среди прочих сыновей покойного императора неизбежно возникали враждующие лагеря, а узы родства проверялись на прочность завистью и лезть.

Взойдя на престол, молодой император Юйчэн щедро одарил лишь пятерых братьев:

Первый принц Чун Чжао получил титул принца Жуна,

Четвёртый принц Чун Най стал принцем Юем,

Шестой принц Чун Ю удостоился титула принца Чэна,

Седьмой принц Чун Жэнь — принца Цзяня,

А одиннадцатый принц Чун Эр — принца Аня.

Второй принц Чун Хуэй и третий принц Чун Цзинь получили лишь собственные усадьбы без высоких княжеских титулов и теперь безвылазно служили при дворе, исполняя личные поручения государя. Пятый принц Чун Цзянь и десятый принц Чун Дэ скончались ещё в нежном возрасте. Восьмой принц Чун Хуань довольствовался скромным званием Гуна Далёкой Справедливости.

Особая судьба уготована была девятому принцу, Чун Хэну. Рождённый законной императрицей, он имел неоспоримые права на трон. В своё время покойный император, без памяти любивший наложницу Дуань, вознамерился возвести её в ранг новой владычицы дворца. Однако столичные сановники дружно пали ниц перед троном, умоляя не нарушать священные устои. Их поддержал и влиятельный дядя императора Дун Энь, державший в кулаке столичный лагерь Доблестной Кавалерии. В итоге затея провалилась, но законная императрица из рода Дун, чьё сердце было разбито предательством мужа, вскоре угасла от тоски. Осиротевший девятый принц Чун Хэн добровольно вызвался охранять покой усыпальницы матери, отказавшись от любых титулов и мирской суеты.

Остальные братья — тринадцатый, пятнадцатый и шестнадцатый принцы — были ещё слишком малы и воспитывались во внутренних покоях дворца.

Принц Чэн, Чун Ю, с юных лет посвятил себя ратной службе. Он сопровождал покойного государя в походах против свирепых северных варваров бэйди и успел послужить под началом многих прославленных воевод. Ещё будучи наследным принцем, Чун И проявил недюжинную проницательность: он выхлопотал для своего шестого брата назначение в Западные горы, где Чун Ю возглавил отборную армию Синин. После восшествия Чун И на престол верный брат вернулся в столицу, возглавив Военное министерство. Полки Синин оставались единственной силой, способной сдерживать грозный столичный лагерь Доблестной Кавалерии, — столь глубоко уходили корни предосторожности молодого монарха.

Теперь, когда старый принц Чжуан пытался диктовать свою волю в деле у заставы Медной Горы, точный совет Фу Исяня пришёлся как нельзя кстати. До Чун И наконец дошло: если отправить на передовую шестого брата Чун Ю, это решит все проблемы. Родная кровь не предаст, а высокий княжеский титул не только вдохновит уставших солдат, но и позволит держать в узде грозного воеводу Фу Юаньтая.

Когда принц Чэн прибыл в Боковой зал Резонирующей Гармонии, император повелел накрыть богатый стол и со всей искренностью принял брата. За трапезой они до поздней ночи обсуждали детали предстоящего похода, после чего, довольные друг другом, разошлись.

Спустя два дня император Юйчэн вновь призвал принца Чжуана в свои палаты для окончательного разговора.

Тяньцзин, Зал Прямой Добродетели

Шёл четвёртый месяц второго года правления под девизом Юйчэн.

Над умолкшим залом Прямой Добродетели разнёсся громогласный императорский указ: принцу Чэну, Чун Ю, надлежало принять должность инспектора армии и незамедлительно отбыть к заставе Медной Горы. Гвардеец Чун Дай был жалован титулом генерала, Покоряющего Варваров, и принимал печать авангарда. Обоим предписывалось спешно собрать тридцатитысячное войско и выступить в поход в середине месяца.

<http://bllate.org/book/19874/2028881>